

Ставрополь

**в географическом, историческом,
топографическом и статистическом отношениях**

УДК 93
ББК 63.3
С75

С75 Ставрополь: в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношении / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 67 с.

ISBN 978-5-458-11595-7

ISBN 978-5-458-11595-7

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

губерній, неохотно основывали въ немъ свои жилища и старались строить для себя дома нѣсколько вдали отъ станицы, которая по разсказамъ стариковъ, смотрѣда на новыхъ своихъ гостей, не совѣтъ дружелюбно. Но, не взирая на это, съ каждымъ годомъ народонаселеніе Ставрополя понемногу увеличивалось и изъ домовъ переселенцевъ образовалась уже цѣлая улица, носившая послѣ названіе Большой-Черкасской, что теперь Николаевская. Казаки, видя возрастающее близъ нихъ поселеніе и нежелая слиться съ нимъ, отдѣлили, говорятъ, свою станицу отъ будущаго города плетенымъ заборомъ, проведеннымъ отъ старой базарной площади къ востоку до конца возникавшей улицы. Заборъ этотъ существовалъ до тѣхъ поръ, пока Хоперскому полку велѣно было перейти изъ Ставрополя на Кубань; но воспоминаніе о пребываніи его твердо сохранилось у гражданъ. Мѣстность, гдѣ жилъ полкъ, носитъ у нихъ до сихъ поръ названіе станицы, хотя она давно уже слилась съ городомъ и не имѣетъ ничего общаго съ прежнимъ поселеніемъ.

Въ 1802 г., съ преобразованіемъ Кавказскаго Намѣстничества въ губернію, 1802. Ставрополю предоставлено было пользоваться правами уѣзднаго города. Это новое назначеніе, надобно было думать, послужитъ къ быстрому оживленію его; но подобная надежда не могла скоро вполнѣ осуществиться. Всѣ жители Ставрополя были почти выходцы изъ внутреннихъ губерній, неизбѣжнѣ у себя достаточнаго состоянія для какихъ нибудь значительныхъ предпріятій и спѣшившіе сюда единственно за тѣмъ только, чтобы воспользоваться льготой, для поправленія своего незавиднаго положенія; слѣдовательно имъ всѣмъ надобно было вновь начинать свое существованіе, для поддержанія котораго очень мало представлялось тогда еще средствъ. Торговля ихъ съ горцами и съ нѣкоторыми казачьими станицами, по большей части, шла мѣновая и ограничивалась мелочными предметами. Получаемая отъ торговли выгоды употреблялись почти всѣ на постройку незавидныхъ домовъ, изъ которыхъ немногіе имѣли у себя деревянныя крыши, остальные всѣ были покрыты камышомъ и соломой. Вотъ какой жалкій видъ представляла въ то время большая улица; а лежавшее за нею пространство, занимаемое теперь архіерейскимъ мостомъ и Александровскою улицею, покрыто было, по разсказамъ, водою и густымъ камышемъ. Наконецъ, когда всѣ мѣста на главной улицѣ были заняты, жители принялись за расчистку лежавшаго близъ нихъ болота и общими усилиями осушили его въ три или четыре года. Тогда городъ началъ немного подвигаться на Югъ, но все это, по бѣдности жителей, дѣлалось медленно, какъ бы нѣхотя.

Послѣ этого спустя нѣсколько лѣтъ, а именно въ 1808 и 1809 годахъ, въ 1808 и Ставрополь прибыло около 50 Армянскихъ семействъ. Поселеніе въ городѣ 1809. этого промышленнаго народа усилило торговлю между жителями и тѣмъ открыло имъ главный источникъ богатства. Прежняя мѣновая торговля стала замѣняться торговлею правильною и принимать болѣе обширные размѣры. Армяне, имѣя у себя комисіонеровъ въ Нахичевани, Таганрогѣ и другихъ

мѣстахъ, успѣли въ короткое время сблизить Ставропольскихъ гражданъ съ своими товарищами и распространить между ними дѣятельность, которая состояла первоначально въ разъѣздахъ по станицамъ и мирнымъ ауламъ, для закупки пшеницы и рогатаго скота. Пшеница, чрезъ посредство Армянъ, отправлялась въ Ростовъ и Таганрогъ для заграничной торговли, а рогатый скотъ назначался для внутреннихъ губерній. Эта послѣдняя отрасль промышленности, особенно споспѣшествовала къ обогащенію Ставропольскихъ жителей и дала нѣкоторымъ изъ нихъ возможность пріобрѣсти въ короткое время даже значительные капиталы. Ставрополь, богатѣя незамѣтно, началъ обращать вниманіе на свою наружность. Превжнія ветхія постройки на большой улицѣ постепенно уничтожались и были замѣняемы домами, хотя и не весьма значительными, но по крайней мѣрѣ такими, которые достойны были сколько нибудь своего названія и могли на первый разъ удовлетворить мѣстнымъ требованіямъ.

Армяне, поселившіеся въ Ставрополѣ, составили изъ своихъ жилищъ почти отдѣльный кварталъ, который долгое время извѣстенъ былъ подъ именемъ Армянской улицы. Отъ этого квартала, распространявшагося по горѣ къ Югу отъ стараго базара, теперь осталось лишь нѣсколько полуразвалившихся построекъ, ожидающихъ сломки, для замѣны ихъ новыми домами. За то съ 1810 года, въ теченіе 25 лѣтъ, кварталъ этотъ былъ главнымъ торговымъ пунктомъ Ставрополя, потому что каждый Армянинъ имѣлъ при своемъ домѣ лавку, чрезъ что изъ ихъ улицы образовался, на первый разъ, гостинный рядъ.

Казаки, въ это время отдѣленные совершенно отъ города, начали селиться по теченію рѣчекъ Ташлы и Мамайки, и изъ прежде-заведенныхъ здѣсь ими небольшихъ хуторовъ, образовались почти двѣ новыхъ станицы: одна къ Сѣверу, а другая къ Югу отъ крѣпости. Мѣста по Ташлѣ и Мамайкѣ самыя привольныя и удобныя для садоводства и огородничества, невольно вызывали казаковъ изъ стараго тѣснаго ихъ жилища на свободное и ни къмъ не занятое еще пространство.

1822. Въ 1822 году, по обзорѣи Кавказской губерніи Сенаторами Гермесомъ и Мертваго, найдено было, что настоящее ея устройство не свойственно мѣстоположенію и роду населенія. По сему поручено было Главноуправлявшему тогда въ Грузіи, генералу отъ-инфантеріи А. П. Ермолову составить предположеніе о болѣе удобномъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, управленіи. По проэкту А. П. Ермолова велѣно было сдѣлать слѣдующее распоряженіе относительно Кавказской губерніи: «переименовать ее въ область, учредивъ областнымъ городомъ Ставрополь и поручивъ вновь назначенному областному начальнику составить смѣты на постройку необходимыхъ тамъ помѣщеній».

Послѣ такого неожиданнаго преобразованія, Ставрополь начинаетъ новую для себя жизнь и быстро идетъ къ совершенствованію.

Въ то самое время, какъ проэктъ А. П. Ермолова былъ утвержденъ, въ Ставрополь, вмѣстѣ съ станицей, считалось едва-ли около 5000 жителей, у которыхъ, кромѣ двухъ церквей и трехъ или четырехъ каменныхъ домовъ, не было ничего болѣе порядочнаго, на что стоило-бы тогда обратить вниманіе. Принимая все это въ расчетъ, мѣстное начальство распорядилось оставить Ставрополь еще на два года уѣзднымъ городомъ, чтобы онъ сколько нибудь успѣлъ въ это время приготовиться къ принятію новаго назначенія. Наконецъ 4-го Октября 1824 года совершенно окончательное перенесеніе областного города изъ Георгіевска въ Ставрополь.

Генералъ-маіоръ князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ былъ первымъ начальникомъ Кавказской области. При немъ Ставрополь могъ служить довольно споснымъ убѣжищемъ для нѣкоторыхъ только губернскихъ учреждений; самый ощутительный недостатокъ былъ въ квартирахъ, между тѣмъ какъ народонаселеніе увеличивалось съ каждымъ мѣсяцемъ все болѣе и болѣе, потому что многіе Георгіевскіе граждане изъявили желаніе перейти въ Ставрополь. Князь Горчаковъ, заботясь устроить какъ нибудь этотъ недостатокъ и привести въ порядокъ возникавшій городъ, успѣлъ возбудить соревнованіе въ Ставропольскихъ гражданахъ къ улучшенію его. Граждане увидѣли тогда и сами, что сооруженіе капитальныхъ строеній не можетъ обезсилить ихъ матеріальныхъ средства, но дастъ имъ еще скорѣе возможность подвинуться впередъ. Такъ какъ въ это время не было еще казенныхъ построекъ для помѣщенія правительственныхъ мѣстъ и заведеній, жители города спѣшили воспользоваться этимъ случаемъ. Нѣкоторые изъ нихъ, хотя употребили тогда на постройки послѣдніе свои капиталы, но потомъ вскорѣ были вознаграждены двойнѣ. Городъ распространялся теперь по горѣ на Западъ и къ Сѣверу отъ крѣпости по крутому горному скату.

Князь Горчаковъ, ознакомясь съ Ставрополемъ, замѣтилъ, что между его жителями не было той общежительности и довѣрія, при какихъ городъ могъ-бы скорѣе совершенствоваться; по этому князь старался сблизить между собою общество, чтобы оно совокупными своими силами шло по указанной ему Правительствомъ дорогѣ. Далѣе, онъ увидѣлъ, что Армяне, прибывшіе въ 1808 и 1810 годахъ развили первоначально торговую дѣятельность въ Ставрополь, предложили еще нѣсколькимъ семействамъ этого промышленнаго народа переселиться изъ Георгіевска въ нашъ городъ. Армяне, изъ любви къ генералу, безпрекословно исполнили его желаніе, и въ началѣ 1826 года, въ Ставрополь 1826. явилось ихъ еще около 30 семействъ. Затѣмъ князю Горчакову поручено было, для окончательнаго образованія областного города, переселить казаковъ на Кубань.

Это новое порученіе, возложенное на генерала Горчакова, вполне знакомаго съ тогдашнею жизнію и характеромъ казаковъ, было исполнено имъ не вдругъ. Онъ старался прежде приготовить ихъ сколько нибудь къ этому переселенію, и для того давалъ имъ время и возможность продавать по не-

многу свои дома и угодыя жителямъ города, которые при посредствѣ самого князя, платили казакамъ довольно выгодныя цѣны за ихъ имѣнія. Но при всѣхъ стараніяхъ оставить казачьи постройки въ городѣ и окрестностяхъ нетронутыми и не заставить казаковъ ломать дома и везти ихъ за собою, князь Горчаковъ не могъ успѣть въ этомъ. Причина, отчего это желаніе не осуществилось, заключалась въ томъ, что населеніе станицы противъ города было тогда почти вдвое болѣе. Наконецъ, въ Іюль мѣсяцъ 1826 года, князь Горчаковъ сдалъ управленіе Кавказской области генералу отъ кавалеріи Эммануэлю, и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательныя заботы о переселеніи казаковъ и объ устройствѣ города Ставрополя.

Много-бы можно было сказать о служебной дѣятельности генерала Эммануэля; но какъ главная цѣль нашей статьи — представить только картину постепеннаго развитія Ставрополя, то мы и должны ограничиться здѣсь тѣми распоряженіями и заботами Эммануэля, которыя предпріяты были имъ въ отношеніи областнаго города.

Генералъ Эммануэль, по прибытіи въ Ставрополь, прежде всего занялся окончаніемъ начатаго княземъ Горчаковымъ дѣла, то-есть переселеніемъ казаковъ. Казаки, какъ мы видѣли, были уже нѣсколько приготовлены къ этому; генералу Эммануэлю оставалось только окончательно побудить Хоперскій полкъ къ переселенію или, лучше сказать, разшевелить его, чтобы онъ, не мешкая, искалъ-бы скорѣе для себя новаго счастья и славы, не въ мирной станицѣ, а вблизи враговъ, отъ набѣговъ которыхъ ввѣрялась ему защита земледѣльца, непривыкшаго носить оружіе. Въ одинъ весенній день 1827 г., казаки потянулись изъ Ставрополя длинной вереницей къ берегамъ Кубани, оставивъ за собою въ городѣ нѣкоторыхъ товарищей, не успѣвшихъ приготовиться къ переселенію. Въ слѣдующемъ-же году и остальные Донцы, по протоптанной дорогѣ, двинулись въ новую станицу, которая привѣтливо встрѣтила и пріютила ихъ у себя, и не смотрѣла на этихъ пришельцевъ враждебно, какъ смотрѣли на первыхъ выходцевъ въ Ставрополь.

Ставрополь, послѣ этого переселенія, могъ свободно развиваться и распространяться во все стороны; гражданамъ не съ кѣмъ было теперь вести споры за земли и усадьбы: казаки все оставили въ полное ихъ владѣніе. Однимъ словомъ Ставрополь долженъ былъ съ этого времени измѣнять свою наружность и стараться придать ей нѣсколько болѣе щеголеватости и красоты, чѣмъ прежде. Объ этомъ именно заботился генералъ Эммануэль. Первый шагъ, слѣданный имъ къ усовершенствованію Ставрополя, была забота водворить въ немъ чистоту и опрятность, на которыя до того мало обращали вниманія. Каждому домохозяину велѣно было около своего жилища сдѣлать тротуары и устроить, для стока воды, канавы и другія необходимыя при домѣ учрежденія. За чистотою улицъ и жилищъ предписано было Полиціи имѣть строгое наблюденіе; а чтобы она сильнѣе могла дѣйствовать и побуждать гражданъ къ соблюденію опрятности и ему

самому обо всемъ этомъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія, Эммануэль назначилъ Полицейскимъ чиновникомъ одного изъ своихъ родственниковъ, о которомъ у гражданъ до сихъ поръ сохранилось воспоминаніе, что онъ дѣйствовалъ и наблюдалъ за работами по городу безъ устали и тѣмъ успѣлъ завести въ немъ сколько нибудь желаемую опрятность.

Въ это-же время Эммануэль, чтобы оставить по себѣ въ Ставрополѣ память, задумалъ соорудить въ немъ какое нибудь капитальное зданіе, которое послужило-бы на общую пользу гражданамъ. Здѣсь-же надобно кстати замѣтить, что домъ Командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи началъ строиться также при Эммануэль. Мѣсто, гдѣ онъ теперь расположенъ, и все идущее отъ него пространство, занятое въ настоящую минуту частію Александровской и Театральной улицами, составляло площадь, известную подъ именемъ Татарскаго базара. Сюда, по Понедѣльникамъ, съѣзжались Ногайцы и другіе Горцы изъ за-Кубани съ дѣсомъ и мелочными статьями домашняго хозяйства: здѣсь шла у нихъ, выражаясь словами гражданъ, дѣятельная *сатовка* или торговля; но Татары, сбывъ свои произведенія въ городѣ, очень рѣдко отправлялись съ полною выручкою въ аулы, а по большей части оставляли ее снова въ Ставрополѣ, потому что нуждались для домашняго своего быта во многихъ необходимыхъ предметахъ. По сбытъ товара, они тотчасъ-же отправлялись въ русскія или армянскія лавки и закупили тамъ желѣзныя и стальныя вещи, бумажныя и другія издѣлія. Не смотря на то, что Ставропольскіе купцы съ подобными товарами разѣзжались по ауламъ, Ногайцы и вообще Горцы предпочитали нужные для нихъ предметы покупать въ самомъ городѣ. Эти небольшіе по видимому обороты, также много содѣйствовали къ обогащенію жителей и вмѣстѣ съ тѣмъ къ расширенію торговли. Купцы начали пріобрѣтать на значительныхъ русскихъ ярмаркахъ, противъ прежнихъ лѣтъ, гораздо болѣе товаровъ; но тутъ они опять встрѣтили небольшое для себя затрудненіе. Въ Ставрополѣ не было прочныхъ, хорошихъ мѣстъ и лавокъ, гдѣ бы могли сохраняться запасные товары. Это обстоятельство сдѣлалось известно Эммануэлю и осуществило давно задуманный имъ планъ о сооруженіи, на общую пользу, въ городѣ капитальнаго зданія. Однажды, въ Собраніи Ставропольскаго Общества, генералъ, изложивъ предъ гражданами настоящую ихъ торговую дѣятельность и указавъ на недостатки складочныхъ магазиновъ, началъ убѣждать къ постройкѣ каменнаго гостиннаго ряда на большой улицѣ, обѣщая имъ съ своей стороны всевозможное содѣйствіе. Эта неожиданность и заботливость генерала о нуждахъ жителей была принята съ живѣйшею признательностію гражданами, которые не стали много думать о благомъ предложеніи и тутъ-же спросили Эммануэля, когда они могутъ начать сооруженіе гостиннаго ряда? Эммануэль, довольный такимъ отвѣтомъ, чтобы не откладывать полезнаго дѣла, открылъ тотчасъ-же подписку, кто именно изъ гражданъ желаетъ участвовать въ этомъ, и между тѣмъ поручилъ архитектору своему

составить планъ. Когда подписка была окончена и представлена Эммануэлю, генералъ, увидѣвъ изъ нея, что неисчисленные архитекторомъ расходы совершенно покрываются пожертвованіями, велѣлъ тогда-же приступить къ постройкѣ, которая окончена въ 1828 году. Объ этомъ свидѣтельствуешь и надпись, сохранившаяся до сихъ поръ въ гостиномъ ряду. Содержаніе надписи слѣдующее: *Сей гостиной рядъ выстроенъ попеченіемъ областного начальника, генерала отъ кавалеріи Еммануэля, изъ удивленіемъ Ставропольскихъ купцовъ, въ 1828 году.* Такимъ образомъ генералъ достигнулъ своей цѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ доставилъ гражданамъ удобное мѣсто для храненія запасныхъ товаровъ. Рядъ этотъ существуетъ до настоящаго времени почти въ томъ самомъ видѣ, какимъ былъ въ 1828 году. Если въ немъ и сдѣланы были послѣ какія перемены, то совершенно незначительныя. Разница противъ прежняго времени состоитъ въ томъ, что три складочныхъ магазина, изъ которыхъ два расположены по угламъ гостиного ряда, а одинъ въ срединѣ, теперь служатъ совершенно для другой цѣли. Въ срединѣ помещается церковь, извѣстная подъ названіемъ гостинорядской; а крайніе обращены въ торговыя лавки; но объ этомъ подробнѣе мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Эммануэль, окончивъ свое главное дѣло, обратилъ еще вниманіе на расположеніе какъ самаго города, такъ и его окрестностей. До сихъ поръ мы видѣли, что Ставрополь строился не по всемъ правиламъ архитектурнаго искусства, особенно станица, а теперь ни одинъ изъ гражданъ не могъ начинать ни одной постройки безъ совѣта архитектора; предоставлялось только нѣкоторымъ бѣднымъ мѣщанамъ, селившимся по рѣчкамъ Ташлѣ, Мутвянкѣ и Мамайкѣ, гдѣ они по большей части занимались садоводствомъ и огородничествомъ, производить для себя постройки сообразно съ мѣстностью, которая мало представляла возможности къ устройству правильныхъ улицъ.

1829 и 1830. Въ 1829 и 1830 годахъ въ Ставрополѣ образовалось нѣсколько новыхъ улицъ, хотя и незначительныхъ, но не менѣе того служившихъ яснымъ доказательствомъ, что народонаселеніе города увеличилось; городъ распространился теперь болѣе и болѣе къ Югу и именно въ верхней своей части, извѣстной нынѣ подъ именемъ солдатской слободки. Эта часть города была въ то время самою бѣднѣйшею по своимъ постройкамъ, но превосходила нѣсколько своею опрятностію жилища гражданъ, селившихся по сѣверному горному скату отъ нынѣшнихъ присутственныхъ мѣстъ и бывшей крѣпости. За то поселенія по Ташлѣ и Мамайкѣ вполне могли назваться богатѣйшими, по хозяйственнымъ заведеніямъ, и служить своими садами и рощами украшеніемъ городу. Эммануэлю такъ сильно понравилось Ташлинское поселеніе, что онъ устроилъ даже тамъ для себя загородный домъ и дачу. Дача эта существуетъ до сихъ поръ, и хотя давно уже принадлежитъ почетному гражданину Волобуеву, но въ народѣ носитъ названіе Эммануэлевской. Она расположена по обѣимъ сторонамъ рѣчки Ташлы и составляетъ, какъ въ

прежнее, такъ и въ настоящее время, крайнее поселеніе Ставрополя на Северо-Востокъ.

Вотъ всё, что мы успѣли собрать о дѣятельности генерала Эммануэля въ отношеніи нашего города. Что-же касается до жизни и военныхъ подвиговъ его, то мы совѣтуемъ обратиться къ сочиненію князя Голицына: *Жизнеописаніе генерала отъ кавалеріи Эммануэля. Санктъ-Петербургъ. 1851 г.* Авторъ, приступая къ своему труду, начинаетъ его такими словами: «Молодой Венгерскій дворянинъ, безъ всякаго покровительства, кромѣ мужества своего, твердой воли, прямодушія и непоколебимой привязанности ко всему тому, чего требуютъ долгъ чести и долгъ службы, пріѣзжаетъ въ Россію, и по истеченіи лѣтъ тридцати, является генераломъ отъ-кавалеріи и начальникомъ Кавказской области». Князь Голицынъ, находясь въ близкихъ отношеніяхъ къ Эммануэлю, изобразилъ своего бывшего начальника въ настоящемъ видѣ, по этому составленная имъ біографія не ограничивается однимъ послужнымъ спискомъ, а представляетъ двойную занимательность, какъ матеріалъ для военной исторіи и какъ прекрасную характеристику человѣка, замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ.

Въ 1831 году Эммануэль, по военнымъ обстоятельствамъ, мало обращалъ 1831. вниманія на Ставрополь и почти все это время провелъ на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи и въ Дагестанѣ. Наконецъ въ Августъ этого же года, преслѣдуя фанатика Казимъ-Муллу отъ крѣпости Визапной, былъ жестоко раненъ въ сраженіи при селеніи Агташъ-Аухъ, и немогши продолжать службу, сдалъ командованіе войсками и управленіе Кавказскою областію генералъ-лейтенанту Вельяминову.

Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣшительныхъ людей, которые, если захотятъ, все могутъ дѣлать. Когда извѣстіе о назначеніи его пропеслось по Ставрополю, думали, что городъ совершенно будетъ измѣненъ въ отношеніи его администраціи и общественнаго быта; но пока граждане составляли планы въ воображеніи, съ чего начнутся преобразованія, Вельяминовъ прибылъ въ городъ и, къ общему всѣхъ удивленію, мало обратилъ вниманія на его наружность. Занятый, по большей части, военными дѣлами, Вельяминовъ на первый разъ почти не входилъ въ общественную жизнь Ставрополя и не старался выискать въ ея заповѣдныя тайны, которыя, по справедливости можно сказать, и не заключали тогда въ себѣ ничего любопытнаго. При томъ жители Ставрополя едва только начали оправляться отъ боязни, нанесенной городу холерой, которая причинила ему довольно чувствительный ударъ относительно народонаселенія. Все это Вельяминову было очень хорошо извѣстно, и хотя онъ не дѣйствовалъ на-перскоръ обществу, но держалъ себя отъ него въ отдаленіи. Всѣ знавшіе Вельяминова лично, отзываются о немъ такимъ образомъ: «Алексѣй Александровичъ выказывалъ себя только при стеченіи чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Отъ его необыкновенной пронципальности, ускользало развѣ только то, чѣмъ онъ пренеб-

•регалъ. Передъ жельзною силою его воли преклонялось все, исчезали все трудности. Онъ не терялъ словъ по пустому; рѣчь его была ясна и сильна, повелѣнїе коротко и убѣдительно, такъ что никто не смѣлъ и думать о невозможности или медленности исполненїя. Рѣдко видѣли его улыбающимся или сердитымъ. Спокойная осанка и рѣчь прямая, безъ всякихъ изворотовъ, означали довольство и доброжелательство; но упорное молчанїе, привычка выдергивать себѣ волосы изъ бакенбардовъ и сдунуть ихъ съ ладони означали противнос, и кто былъ принятъ Вельяминовымъ въ такомъ расположенїи духа, тому не доводилось похвалиться хорошимъ его прїемомъ..... Таковъ былъ постоянно Вельяминовъ и въ кабинетѣ, и передъ войскомъ, въ походахъ чрезъ лѣса и горы, и на полѣ сраженїя. Всякій больше смерти боялся его молчаливой немилости, его безмолвнаго презрѣнїя; за то лестное слово отъ Вельяминова было лучшею наградою за исправность. Любовь къ отдѣльнымъ лицамъ въ сердцѣ его поглощалась любовью къ Отечеству, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Русскїе высоко его цѣнили; а сыны горъ видѣли въ немъ силу неодолимую. Когда, бывало, слышали они: «Вельяминовъ хочетъ», тогда всякое сопротивленїе казалось для нихъ невозможнымъ. «Вельяминовъ идетъ» значило: нѣтъ никакого спасенїя» (*).

1832. Въ 1832 году Вельяминовъ для Ставрополя также ничего не сдѣлалъ; по вся дѣятельность его устремлена была въ это время на организацію Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска, которое увеличилось тогда обращенїемъ въ составъ его нѣсколькихъ казенныхъ селенїй. Ставропольскїе граждане, не видя со стороны начальника поощренїй къ улучшенїю и къ украшенїю своего города, оставались въ этомъ отношенїи въ совершенномъ бездѣйствїи.
1833. Наконецъ 1833 годъ, годъ неурожая, еще болѣе обезсїлнлъ матеріальныя средства многихъ жителей. Городъ ни въ какомъ случаѣ не могъ подвигаться впередъ и совершенствоваться: каждый заботился только о сохраненїи своей личности. Общественная жизнь находилась въ совершенномъ упадкѣ: все ограничивалось тогда, безошибочно можно сказать, однимъ домашнимъ очагомъ. За то нѣкоторымъ гражданамъ этотъ неурожайный годъ дѣлалъ средства удвоить, утроить и даже учетверить свои капиталы; мы лично спрашивали нѣсколько разъ у теперешнихъ первостатейныхъ купцовъ-старожиловъ: что именно помогло имъ болѣе къ обогащенїю? и большая часть изъ нихъ отзывалась, что капиталы нажиты ими отъ торговли въ 1833 г. хлѣбомъ, который они постоянно имѣли у себя въ запасѣ весьма въ значительномъ количествѣ, потому что хлѣбъ, какъ мы видѣли и прежде, постоянно заготовлялся ими для заграничной торговли. Между тѣмъ неурожайный годъ прошелъ, все оживи-

(*) Такъ характеризуетъ Вельяминова гр. Стейнбокъ, въ прекрасномъ историческомъ разсказѣ: «Послѣдній Вали Большой Кабарды», помѣщенномъ въ 33 и 35 №№ газеты «Кавказъ» за 1854 г.

лось и начало жить по прежнему, а городъ все таки не двигался впередъ. Мы не станемъ теперь искать причины этому и объяснимъ ее послѣ. Выше замѣчено нами, что главная дѣтельность генерала Вельяминова была устремлена на военные дѣла и что онъ мало обращалъ вниманія на наружность Ставрополя. Мы не ставимъ послѣдняго случая въ упрекъ генералу и не можемъ этого сдѣлать потому, что Алексѣй Александровичъ проводилъ въ Ставрополь самую малую часть года: начиная съ весны и до глубокой осени, онъ жилъ или на правомъ или на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи. Такимъ образомъ городъ, въ то самое время, когда легко и удобно было замѣтить и исправить его наружные недостатки, оставался безъ руководителя. Это обстоятельство, впрочемъ, съ самаго начала не ускользало отъ соображеній генерала Вельяминова; онъ видѣлъ и понималъ его хорошо, но думалъ вознаграждать все, не достающее для областного города, однимъ разомъ, по окончаніи своихъ обиховенныхъ военныхъ занятій. Между тѣмъ занятія по гражданскому и особенно по военному вѣдомству увеличивались все болѣе и болѣе; тогда Алексѣй Александровичъ счелъ необходимымъ просить себѣ помощника въ гражданскомъ управленіи. Просьба эта Государемъ была уважена и въ Ставрополь, въ помощь областному начальнику, назначенъ гражданскій губернаторъ.

Первымъ губернаторомъ въ Ставрополь былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Семеновъ; но онъ пробылъ въ немъ нѣсколько мѣсяцевъ, не успѣвъ ничего сдѣлать. Мѣсто его занялъ генералъ-маіоръ Таубе, который очень мало дѣйствовалъ самостоятельно и на большую часть своихъ, даже незначительныхъ, распоряженій по городу предварительно испрашивалъ разрѣшенія у генерала Вельяминова. Эта неувѣренность Таубе въ своихъ дѣйствіяхъ очень много замедляла развитіе Ставрополя, въ особенности въ то время, когда онъ оставался одинъ въ городѣ и былъ полнымъ его хозяиномъ и руководителемъ во всѣхъ благоразумныхъ и полезныхъ для общества предпріятіяхъ.

Въ теченіе 1831 и 1835 годовъ, въ Ставрополь, къ прежнимъ незначи- 1834 и тельнымъ постройкамъ прибавилось очень цѣннаго новыхъ зданій, изъ которыхъ 1835. болѣе заслуживало тогда вниманія помѣщеніе для штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморіи, расположенное на Александровской улицѣ; но теперь оно неимѣетъ никакого значенія и между капитальными зданіями совершенно почти незамѣтно. Въ домъ командующаго войсками также сдѣлано было нѣсколько переиѣнъ и пристроекъ; особенное-же вниманіе А. А. Вельяминова обращено было на усовершенствованіе находящагося при домѣ сада, который служилъ тогда единственнымъ мѣстомъ для общественныхъ гуляній, но только не во всякое время, а въ извѣстные праздничные дни. Иногда гулянья были и въ Бабиной роцѣ (нынѣшнемъ Воронцовскомъ саду); но роца эта находилась въ самомъ жалкомъ состояніи и мало доставляла удовольствія и развлеченія посѣтителямъ. А. А. Вельяминовъ, ознакомившись наконецъ съ Ставрополь-

скою жизнью и желая сблизиться съ обществомъ, во время пребыванія своего въ городъ, началъ, въ торжественные дни, давать въ домъ своемъ балы, но самъ никогда не участвовалъ въ нихъ и былъ только холоднымъ наблюдателемъ всего происходившаго. Иногда, чтобы ближе увидѣть городскую толпу, генералъ, предъ своимъ домомъ, на площади, приказывалъ пускать фейерверки, а въ саду заставлялъ играть полковую музыку. Вотъ чѣмъ, въ эти патриархальныя времена ограничивались общественныя удовольствія.

Перейдемъ теперь къ другому, болѣе матеріальному предмету—торговлѣ, и посмотримъ въ какомъ находилась она состояніи. Изъ отчетовъ, доставлявшихся тогда лицамъ, слѣдившимъ за успѣхами торговли, замѣтно, что обороты капиталовъ значительно увеличились, и что классъ промышленныхъ людей съ каждымъ годомъ также умножался. Успѣхъ этотъ приписываютъ выгодному положенію Ставрополя, хотя онъ и стоитъ въ такомъ мѣстѣ, которое лишено совершенно водныхъ сообщеній. Знатки дѣла говорятъ, что Ставрополь, находясь между двумя морями, Каспійскимъ и Чернымъ, землею войска Донскаго и Закавказьемъ, и на главномъ почтовомъ трактѣ, по необходимости долженъ былъ сдѣлаться однимъ изъ выгодныхъ рынковъ для обмена произведеній Сѣвера и Юга; что такое положеніе дало торгующему сословію удобства къ быстрымъ оборотамъ и скорому обогащенію; по главные обороты въ то время, о которомъ мы теперь пишемъ, производились на ярмаркахъ Троицкой и Ивановской, 12 Октября;—срокъ ярмаркамъ назначался обыкновенно недѣльный. Хотя этотъ срокъ, при худомъ пути, могъ быть нѣсколько стѣснительнымъ для пріѣзжихъ купцовъ и своевременной доставки товаровъ, но промышленники распорядились своими дѣлами въ этомъ отношеніи такъ, чтобы успѣть прибыть въ Ставрополь до начала ярмарки за нѣсколько дней. Это дѣлается и теперь: большая часть хозяйственныхъ произведеній сбывается постоянно въ самомъ началѣ ярмарки, или, по крайней-мѣрѣ, до настоящаго разгара ея. Впрочемъ, не смотря на значительность, въ тридцатыхъ годахъ, коммерческихъ оборотовъ и не взирая на изобиліе товаровъ, Ставропольскіе жители, во минованіи ярмарокъ, не могли похвалиться дешевизною, особенно тѣхъ предметовъ, которые удовлетворяли нуждамъ не первой необходимости. А что торговля дѣйствительно увеличилась и сословіе коммерческихъ людей умножилось, тому лучше всего служилъ доказательствомъ вновь выстроенныя къ Сѣверу отъ гостиннаго ряда камешныя лавки, которыя своимъ числомъ превзошли даже самый гостинный рядъ. Въ лавкахъ этихъ, раздѣленныхъ на четыре довольно значительныхъ корпуса, помѣщаются теперь по большей части торговли Армяне, по этому многіе жители называютъ ихъ армянскими лавками. Нужно еще упомянуть здѣсь, что открытіе города Пятигорска, съ его минеральными источниками, усилило въ Ставрополь движеніе и доставило ему нѣсколько матеріальныхъ средствъ отъ прѣѣзжавшихъ изъ внутреннихъ губерній во время курса. Число посѣтителей Пятигорска въ управленіе генерала Вельяминова было